

Когда Бай Лао вернулся в покои, Чуньшен в своих летящих шёлковых одеяниях, тонкой восковой плёнкой растёкшихся по деревянным половицам, сидела перед зеркалом, вынимая из волос многочисленные украшения. Как, должно быть, ужасно скучно день ото дня носить всё это вычурное великолепие, ожидая милости единственного мужчины, который даже сердцу не мил. Фэн У не был худшим вариантом — красив, бесспорно; статен, несомненно. В его дворце ни в чём не нуждались ни слуги, ни наложницы, кто-то, скорее всего, даже был счастлив и рад такой жизни. Но Чуньшен хотелось большего — она предпочла бы жизнь гораздо скромнее, даже в лишениях, будь рядом человек, способный подарить ей тёплую и любящую улыбку, ласку вне широкой постели и пахнущих редкими эфирными маслами простыней, большую и крепкую семью. Бай Лао вздохнул и, взяв лежащий рядом резной гребень, привычно устроился за её спиной. Чуньшен посмотрела на него через зеркало глазами полными бесконечной печали — они всегда становились такими по вечерам, когда дорогие украшения отправлялись в узорчатые шкатулки вместе с масками наигранного счастья.

— Ну нет, Лао-Лао, — вдруг сказала она, отодвигая голову и уходя от прикосновения замершего в воздухе гребня. Бай Лао застыл в непонимании. — Посмотри на себя, ты весь в песке и пыли. Вода в купальне ещё не остыла.

Положение Чуньшен позволяло ей иметь при покоях собственную купальню, которой она позволяла пользоваться и Бай Лао. Точнее, непреклонно настаивала, что нечего ребёнку делать в общих купальнях с женщинами, которые через одну бесстыдницы. Поначалу Бай Лао было неловко, но со временем удовольствие от ароматной тёплой воды и мягкости чистой кожи помогли ему побороть смущение.

Вернувшись после омовения, Бай Лао испытал укол стыда, заметив, что Чуньшен уже уложила волосы перед сном самостоятельно. Его обязанности, по сути, были такой мелочью, но он уже столько раз так непозволительно ими пренебрегал. Чуньшен же, казалось, вовсе не видела в этом проблемы — когда-то она и сама была простой служанкой и не очень любила пользоваться их трудом. Наоборот, сделать что-то самой было ей даже в радость. Например, нанести одно из своих дорогих редких масел на влажные детские волосы.

— Нюйши, — нерешительно, пожевав губу, позвал её Бай Лао. — Вы что-нибудь знаете о ритуале огня?

Руки Чуньшен, до этого тихо напевавшей неторопливую мелодию, замерли в воздухе.

— Почему ты спрашиваешь?

Бай Лао и сам не знал ответа.

То было празднество в честь первой Луны княжеского наследника. Фэн Су, розовощёкий малыш, завёрнутый в кремовое одеяльце с узорами, вышитыми сверкающими золотыми нитями, хныкал от шума, пытаясь засунуть в рот целый кулачок, пока мать заботливо

старалась укачать его в колыбели собственных рук. Сяомин, юная наложница, подарившая князю наследника, тепло улыбалась ему, восторженно рассматривая богато украшенный тронный зал и слушая многочисленные пожелания и благословения. Столы едва держались под натиском многочисленных яств, и огненные фениксы, расправив крылья, смотрели на неё со знамён, подвешенных к потолку. Рядом с высоким тронном с резными подлокотниками и спинкой установили ещё одно небольшое место — низкий мягкий диванчик для матери наследника. Сяомин мечтательно провела кончиками пальцев по бархату глубокого винного цвета — в то время она, дочь простого каменщика, ещё смела надеяться на княжескую благосклонность, представляя себя любимой супругой.

На празднество собралось много народа, но все они были южанами — главы больших городов со своими свитами, старосты разбросанных по всей пустыне деревень. Никто из других регионов не почтил торжество своим присутствием — страна хоть и была единой под правлением одного Императора, уже снова медленно трещала по швам — казалось, Дракону, запершемуся в своём богатом дворце, не было до неё никакого дела. Но Фэн У это не волновало — ему не требовалось присутствия других именитых персон, чтобы устроить пышный праздник. И хотя правление его началось деспотично, стоило отдать ему должное — к своим верноподданным он всегда относился с ответной справедливостью. А потому на торжестве получили дозволение присутствовать и хорошо показавшие себя воины и даже верные слуги, расположившись в самом дальнем конце. В этот день чествовать наследника должны были все.

В дальнем углу тронного зала, за столом с гаремными служанками непоседливо вертелся ребёнок. Фэн Ся, первый, неудавшийся княжеский сын никак не мог разглядеть, что же происходило так далеко от него, у самого трона. Кажется, отец держал на руках свёрток из сверкающих одеял и маленькая ладошка обхватывала его смуглый указательный палец. Будучи маленьким, Фэн Ся ещё совершенно не осознавал своего уничижительного положения — ему просто всё было ужасно интересно и страсть, как хотелось поближе рассмотреть братишку, которого ему, отчего-то никак не хотели показывать. Каждый раз, когда он намеревался улизнуть из-за стола, за рукав его цепко хватала женщина средних лет, усаживая обратно. Это была момо. На тот момент она совсем недавно приняла должность и крайне не хотела попасть впросак на таком знаменательном событии. Но Фэн Ся, всё-таки, был княжеским сыном — настырным с малых лет и совершенно бесконтрольным. Когда много позже он решит перебраться в казармы, только тогда женщины гарема смогут вздохнуть спокойно. Воспользовавшись тем, что момо неосмотрительно отвлеклась, браня какую-то нерадивую служанку за разлитый соус, Фэн Ся смог ускользнуть и со всех ног побежал прямо к княжескому трону.

Когда что-то ударило в ноги Фэн У, он секундно замешкался прежде, чем опустил глаза. Ребёнок, восторженно смотря на него, цеплялся за полы расшитых парящими фениксами одежд. Чертами лица Фэн Ся больше походил на свою мать и Фэн У скривился. Прошло всего лишь чуть больше двух лет с той кровавой резни, которую ему пришлось учинить, и воспоминания ещё были слишком свежи, ещё болели как мерзкая гнойная рана. Передав младенца Сяомин, он злостно выдернул ткань из цепких детских пальцев так, что Фэн Ся едва устоял на ногах. Да, он признал его своим сыном, но он всё ещё оставался той самой инфекцией, что не давала зловонному нарыву в душе пройти окончательно.

— Он всего лишь ребёнок, — тихо сказала Сяомин, положив ладонь на напряжённое княжеское плечо. Присев перед Фэн Ся, любопытно разглядывающим свёрток из одеял в её руках, она

улыбнулась ему. — Хочешь посмотреть?

Фэн Ся быстро-быстро закивал, и Сяомин наклонилась к нему малыша, немного раскрыв одеяльце. Фэн Су замер, распахнув глаза навстречу незнакомому лицу и странно булькнув, рассмеялся, ухватившись за нерешительно протянутый указательный палец. Совсем как мгновением ранее за палец отца.

Сердце Сяомин сжалось при виде этой картины. Ей было жаль этого ребёнка. Уговаривая князя оставить его в живых, говоря откровенно, она, скорее, рассчитывала привлечь внимание к своей добродетельности, нежели стремилась сохранить невинную жизнь. Сейчас же, сама став матерью, она устыдилась собственной корысти. В тот день её сердце ещё было добрым и чутким.

С другого конца зала, рассыпаясь в поклонах и извинениях, подбежала момо, так поздно спохватившаяся о петере первого княжеского ребёнка. С ней была совсем юная девушка, изящная и тонкая словно ветвь цветущего персикового дерева. Фэн У как-то раз видел её в гаремном саду, танцующей в одиночестве под светом мерцающих звёзд. Он окинул её заинтересованным взглядом, пытаясь угадать возраст. Заметив в волосах простую деревянную шпильку с кривовато вырезанной ласточкой, он улыбнулся.[1] Девушка прятала глаза и мягко тянула Фэн Ся за рубашку.

Когда инцидент исчерпал себя, появились танцовщицы в разноцветных газовых одеяниях, кружась как нежные цветочные лепестки, подхваченные ветром. Фэн Су, утомлённого шумом галдящей толпы, отдал служанкам, скрывшимся в дальних покоях. Сяомин, расположившись, на мягком диванчике подле княжеского трона, парила от счастья, мечтая совсем скоро облачиться в свадебный алай. Но хрустальная радость в её глазах разбилась тысячей мелких осколков, стоило ей взглянуть на Фэн У. Князь не отводил глаз от дальнего стола гаремной прислуги, за которым Чуньшен, смеясь, повторяла в воздухе руками движения изящных танцовщиц.

Праздник почти подошёл к концу, когда Ю Линг, сверкая слепящими золотом доспехами, подошёл к Фэн У, что-то ему прошептал.

— Это не может подождать? — Раздражённо отозвался князь и Сяомин прислушалась.

— Боюсь, нет, Ваше Высочество. Она настойчиво требует Вашей аудиенции...и говорит странные вещи.

Окинув быстрым взглядом гостей, порядком захмелевших и шумно смеющихся, Фэн У, решив, что никто из них даже не обратит внимания на его отсутствие, последовал за генералом. Сяомин, конечно, не должна была этого делать, но, уповая, на доброе расположение княжеского духа в этот знаменательный день, поспешила за ними. Совсем недавно их земли сотрясались от войны, а генерал выглядел встревоженно — где-то в дальних покоях спал её новорожденный сын — она не могла оставаться в стороне.

Ю Линг привёл их в зал советов, плотно затворив тяжёлые двери. На другом его конце спиной стояла женщина в белых одеждах, полы которых замарались рыжими росчерками пустынных песков. Повернувшись, она плавно сбросила капюшон и почтительно поклонилась.

— Кто ты? — Резко бросил Фэн У, недовольный прерванным праздником. Сяомин за его спиной боялась даже дышать, чтобы не привлечь лишнее внимание и не оказаться выгнанной вон.

Женщина подошла ближе. Она была красива, но явно обладала даром заклинательства и потому невозможно было определить её возраст.

— Цин Юань, Ваше Высочество. Я служила в Храме ночных откровений[2] и принесла пророчество о Вашем сыне. Заклинатели Запада слишком трусливы, они боятся войны и хотели оставить всё в тайне. Но я считаю неправильным умалчивать о таком.

Сяомин сжала кулаки. Она была простой девушкой, далёкой от заклинательства. Но даже она понимала — пророчества всегда приносят боль. Особенно те, которые стремятся скрыть.

— Говори.

И Цин Юань говорила. И с каждым её словом ужас сковывал Сяомин по рукам и ногам. Она предрекала её новорожденному сыну свергнуть самого Императора. Она предрекала неистовое бушующее пламя. Она предрекала кровопролитную войну. Войну, в сравнении с которой, резня кочевников в пустыне — детская забава. И всё это на долю её маленького сына, родившегося всего месяц назад.

Фэн У разъярённо взвился.

— Это измена! — Сквозь зубы прошипел он. Каких-то два года назад он сам за это обагрил кровью собственные земли.

— Посмотрите правде в глаза, Ваше Высочество, — излишне смело усмехнулась Цин Юань, — народ уже стал забывать, как выглядит их Император. Если бы не благородная жертва Фэн Хуана, на престоле сидел бы Феникс, а не Дракон. Можно ли назвать изменой восстановление справедливости?

— Феникс мёртв.

Цин Юань обвела взглядом знамёна на стенах с огненными птицами.

— Тысяча лет на исходе. Затмение Солнца не за горами.

Воцарилась тишина, густая как застывший янтарь, и слова её застыли в нём и затихли, как

затишают полупрозрачные крылья насекомого, попавшего в ловушку. Не требовалось пояснять, о чём говорила Цин Юань.

Она говорила о Ритуале огня.

Она говорила, что Сяомин будет смотреть, как извивающиеся языки пламени поглотят её сына, которого она и на руках-то едва подержала.

Она говорила, а Фэн У молчал.

Ярость вскипела в Сяомин и обжигающей пеной взмыла к самому горлу. Она не смогла её удержать. Нет страшнее существа ни в одном из трёх миров, чем мать, защищающая своё дитя.

— Почему ты молчишь?! — Взревела она раненым зверем. Лишь единожды, лишь в тот день она позволила себе отбросить титулы и говорить не с князем, но с отцом. — Совсем недавно ты собственными руками залил пески кровью кочевников, а сейчас собираешься подвергнуть родного сына их варварскому ритуалу?!

Фэн У опешил, бросив злой взгляд на наложницу, забывшую своё место.

— Ты смеешь перечить мне?

Сяомин не могла остановиться. Подойдя почти вплотную, она кричала князю прямо в лицо.

— Он и мой сын тоже! А ты собираешься почтить память женщины, поклонявшейся огню, но не тебе!

Пощечина громким хлопком взорвалась и эхом прокатилась по залу советов.

— Прикуси язык, если не хочешь отправиться вслед за ней.

Сяомин держалась за горящую щёку. От удара растрепалась причёска, одна из золотых шпилек упала к ногам, и слёзы обжигающим потоком хлынули из глаз, расчерчивая румяна на щеках кривыми изломанными полосами.

Фэн У отвернулся от неё.

— А ты, — обратился он к Цин Юань, — можешь остаться. Но не думай, что твои льстивые речи так просто меня убедили.

Он вылетел из зала советов, как стрела с туго натянутой тетивы.

Цин Юань поклонилась ему в спину. И в поклоне скрыла улыбку острее, припрятанного в рукаве кинжала.

Комментарии и примечания:

[1] отсылаю к ритуалу «цзи ли» — китайская «церемония шпильки», обряд взросления. Церемония символически отмечает переход от детства к взрослой жизни китаянки и включает в себя использование однозубой шпильки-цзи. Только после церемонии цзи ли девушка считалась взрослой и, следовательно, имела право выйти замуж. Церемония цзи ли обычно происходила, когда девушка обручена или выходит замуж. Она проводилась, когда девушке исполнилось 15 лет, даже если она до сих пор не помолвлена и не замужем.

[2] Храм ночных откровений — здесь и далее в повествовании главный храм западного региона. Назван в честь символа региона — цветка жасмина, который в народе называют «цветком ночных тайн» за его ночное цветение и яркий аромат. «тайны» я заменила на «откровения», потому что мне так больше нравится.

<http://bllate.org/book/14934/1323644>